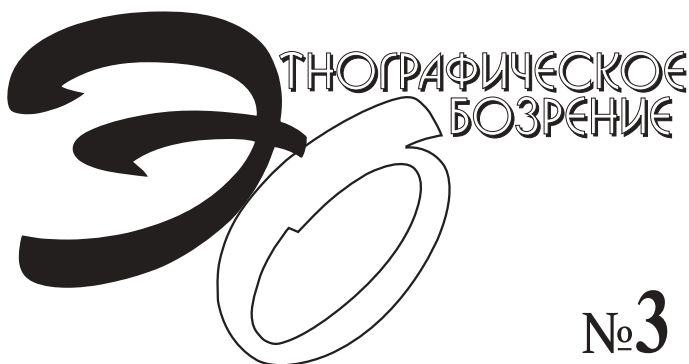

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

№3

МАЙ – ИЮНЬ 2020

Журнал основан в 1889 г.

Выходит 6 раз в год

Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);

“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абаши (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва), **С.А. Арутюнов** (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, зам. гл. ред. (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
С.А. Кан (Ph.D., Дартмутский колл., США), **П.С. Куприянов** (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
И.А. Морозов (д.и.н., ИЭА РАН), **Е.В. Попова** (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский, главный редактор (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
В.В. Трепавлов (д.и.н., Ин-т российской истории РАН, Москва),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Уральский федеральный ун-т),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН),
Й.О. Хабек (д.ф.н., Гамбургский ун-т, Германия)

НАУЧНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссорин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чவர் (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67, факс (495) 938-06-00

Интернет-сайт: <http://journal.iea.ras.ru>, e-mail: ethnorev@gmail.com

ETNOGRAFIČESKOE OBOZRENIÉ

№ 3

MAY–JUNE 2020

Founded in 1889
Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); *Sovetskaia Etnografia* (1931–1991)
Publication frequency: 6 issues per year
Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **J. Otto Habeck** (U. of Hamburg, Germany),
Sergei Kan (Dartmouth College, USA), **Pavel Kupriyanov** (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **Dmitry Mikhel** (RANEP, Moscow),
Igor Morozov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **Evgeniya Popova** (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vadim Trepavlov (Inst. of Russian History, Moscow), **Elena Trubina** (Ural Federal U., Ekaterinburg)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:
Rm 1807, Leninsky prospect 32-a, Moscow, 119991, Russia; phone +7 (495) 938-1867;
fax +7 (495) 938-0600

Специальная тема номера: Межэтническая и социальная напряженность: онлайн-исследования (отв. ред. — Д. В. Громов)

<i>Д. В. Громов.</i> Войны в формате Web 2.0: виртуальная реальность конфликта	5
<i>Е. С. Данилко.</i> Конфликты, связанные с мигрантами, на Youtube.com	10
<i>Д. А. Радченко.</i> Роскомнадзор-тян и другие: перформативные практики фольклорной реакции на блокировки Telegram	24
<i>Д. В. Громов.</i> Кто боится “керченского стрелка”? активизация социальных фобий через слухи и квазиэкспертные высказывания	38

Сообщества мигрантов и диаспоры

<i>Г. Ф. Габдрахманова, Э. А. Сагдиева, П. Фрайер.</i> Опыт изучения кыргызской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала.....	54
<i>Л. В. Батиев, С. Я. Суций.</i> Армянская община Дона в конце XVIII — начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству	71
<i>Г. Н. Ким.</i> “Материковские” и сахалинские корейцы: различия и сходства.....	89
<i>И. Л. Бабич.</i> Политика и круги общения северокавказцев во Франции в 1920–1930-е годы.....	105

Статьи и материалы

<i>Е. А. Давыдова, В. Н. Давыдов.</i> Профессиональное и личное: опыт полевой работы на Чукотке всей семьей.....	121
<i>А. М. Маликов.</i> Культ Абу Муслима и его сподвижников в Центральной Азии: варианты мифологизации	141
<i>М. Ферри.</i> Культура утраты и трагическая маскулинность в постсоветской Грузии (пер. с фр. Е. И. Филипповой).....	161

Обзоры

<i>В. Н. Буркова.</i> Хорошего человека должно быть много?: агрессия и ее связь с размерами тела ...	177
--	-----

Рецензии

<i>С. Н. Абашин.</i> Рец. на: Life Histories of <i>Etmos</i> Theory in Russia and Beyond. Cambridge, UK, 2019....	191
<i>И. В. Чининов.</i> Рец. на: Ashkenazi M. What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology. Cham, 2017	195
<i>М. В. Васеха.</i> Рец. на: Троицкий А. К. Субкультура. История сопротивления российской молодежи 1815–2018. М., 2019	198

Special Theme of the Issue: Ethnic and Social Tensions: Online Studies

(guest editor *D.V. Gromov*)

<i>Gromov, D.V.</i> Web 2.0 Wars: The Virtual Reality of Conflict [Voiny v formate Web 2.0: virtual'naia real'nost' konflikta]	5
<i>Danilko, E.S.</i> Migrant-Related Conflicts on YouTube.com [Konflikty, svyazannye s migrantami, na Youtube.com].....	10
<i>Radchenko, D.A.</i> Roskomnadzor-chan and Other Beings: Performative Practices and Folklore Reaction to the Telegram Lockout [Roskomnadzor-tian i drugie: performativnye praktiki fol'klornoi reaksii na blokirovki Telegram].....	24
<i>Gromov, D.V.</i> Who's Afraid of "Kerch Shooter"?: activation of Social Phobias through Rumors and Quasi-Expert Statements [Kto boitsia "kerchenskogo strelka"?: aktivizatsiia sotsial'nykh fobii cherez slukhi i kvaziekspertnye vyskazyvaniia].....	38

Diasporas and Migrant Communities

<i>Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and P. Fryer.</i> An Experience from Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital [Opyt izucheniia kyrgyzskoi migratsii v postsovetsskoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala]	54
<i>Batiev, L.V., and S.Ya. Suschiy.</i> The Armenian Community of the Don in the Late 18 th – Early 21 st Centuries: From a Self-Governing Colony to a Multi-Component Ethnic and Cultural Minority [Armiianskaia obshchina Dona v kontse XVIII – nachale XXI v.: ot samoupravliaemoi kolonii k etnokul'turnomu men'shinstvu].....	71
<i>Kim, G.N.</i> The Continental and the Sakhalin Koreans: Differences and Similarities ["Materikovskie" i sakhalinskie koreitsy: razlichii i skhodstva]	89
<i>Babich, I.L.</i> Politics and Social Circles of North Caucasians in France in the 1920s and 1930s [Politika i krugi obshcheniia severokavkaztsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody].....	105

Research Articles

<i>Davydova, E.A., and V.N. Davydov.</i> The Professional and the Personal: An Experience of Fieldwork in Chukotka with the Entire Family [Professional'noe i lichnoe: opyt polevoi raboty na Chukotke vsei sem'ei].....	121
<i>Malikov, A.M.</i> The Cult of Abu Muslim and His Companions in Central Asia: Variants of Mythologization [Kul't Abu Muslima i ego spodvizhnikov v Tsentral'noi Azii: varianty mifologizatsii]	141
<i>Ferry, M.</i> The Culture of Loss and Tragic Masculinity in Post-Soviet Georgia [Kul'tura utraty i tragicheskaiia maskulinnost' v postsovetsskoi Gruzii]	161

Review Articles

<i>Burkova, V.N.</i> You Can Never Have Enough of a Good Person?: Aggression and Its Correlation to Body Size [Khoroshego cheloveka dolzhno byt' mnogo?": agressiia i ee sviaz' s razmerami tela]	177
---	-----

Book Reviews

<i>Abashin, S.N.</i> Review of <i>Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond</i> , edited by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov	191
<i>Chininov, I.V.</i> Review of <i>What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology</i> , by M. Ashkenazi	195
<i>Vasekha, M.V.</i> Review of <i>Subkul'tura: Istorii soprotivleniia rossiiskoi molodiozhi 1815–2018</i> [Subculture: A History of Resistance of the Russian Youth, 1815–2018], by A.K. Troitskii	198

© Л.В. Батиев, С.Я. Суший

**АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА ДОНА В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XXI в.:
ОТ САМОУПРАВЛЯЕМОЙ КОЛОНИИ
К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ МЕНЬШИНСТВУ**

Ключевые слова: армяне Дона, колония, диаспора, дисперсное этническое множество, старожильческие сообщества

В статье анализируются историческая динамика и периодизация изменения статуса армянского населения Дона. В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. армянами, переселенными на Дон из Крыма, была организована колония, которая во второй половине XIX – начале XX в. трансформировалась в диаспору, а в советский период – в дисперсное этническое меньшинство. Однако сельские поселения со второй половины XIX в. и по настоящее время развиваются как старожильческие территориальные сообщества, устойчиво воспроизводящие свою этнокультурную специфику. Этнокультурный подъем конца XX в. и значительное пополнение армянского населения иммигрантами существенно усилили его национально ориентированное ядро на Дону и в настоящее время способствуют дальнейшему укреплению внутренней взаимосвязанности армян. Однако в последние 10-15 лет нарастает и процесс обрусения, отражающийся в культуре и языке.

В последние десятилетия вместе с увеличением численности и многообразия этнокультурных меньшинств в мире растет и исследовательский интерес к проблеме диаспор. При этом само понятие “диаспора” относится к наиболее дискуссионным, а существующие наборы ее признаков продолжают пополняться. Подобная множественность интерпретаций обусловлена концентрацией исследовательского внимания на различных сторонах явления. Невозможность единого определения объясняется отказом от принципа историчности при анализе этнических групп, существующих за пределами материнского этноса.

Между тем историческая изменчивость диаспоры представляется едва ли не ключевой ее особенностью. Как точно отметил С.А. Арутюнов, диаспора – это явление-процесс, непрерывно изменяющее свои базовые характеристики. «Возможно и даже неизбежно существование большого количества переходных промежуточных вариантов, “полудиаспор” с разной степенью идентификации себя со своим сообществом и сообществом страны-хозяина» (Арутюнов 2000: 77). Поэтому оптимальным представляется комплексное изучение таких пластичных объектов в их

Левон Владимирович Батиев | <https://orcid.org/000-0002-3351-8039> | batiev@ssc-ras.ru | к. ю. н., заведующий лабораторией социологии и права | Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН) (пр. Чехова 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Сергей Яковлевич Суший | <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> | SS7707@mail.ru | д. филос. н., главный научный сотрудник | Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН) (пр. Чехова 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 18-59-05004 Арм_a]

исторической динамике, что позволит выявить особенности эволюции этнической группы, выделить отдельные этапы ее жизни и дать им адекватное определение. В этом отношении одним из интересных объектов изучения является армянская община Нижнего Дона. За 240 лет своего пребывания в регионе она совершила ряд характерных фазовых переходов, обусловленных как внутренними факторами, так и внешними обстоятельствами, пройдя путь от самоуправляемой колонии до значимого для региона этнокультурного меньшинства. Вопросы периодизации истории армянской общины на Дону практически не рассматривались в научной литературе. Фундаментальная монография В.Б. Бархударяна (*Бархударян* 1996) построена по предметному принципу и не акцентирует внимание на этом моменте. Проблеме периодизации посвящены работы Р.Г. Тикиджьяна и В.В. Мелконяна (*Тикиджьян* 2010, 2012; *Тикиджьян, Мелконян* 2015). На наш взгляд, периодизация истории общины должна быть основана не на отдельных критериях, а на комплексе следующих показателей: способ формирования, демографическая динамика, способ воспроизводства и характер расселения, доля в общей структуре населения, форма самоорганизации, уровни идентичности (национальная, этнокультурная, региональная), внутренние связи, культурно-языковые характеристики, характер и степень интеграции в жизнь принимающего социума, сохранность внешних этнокультурных границ (уровень межнациональной брачности), уровень аккультурации, активность ассимиляционных процессов (Табл.1).

Таблица 1

Периодизация истории армянской общины Нижнего Дона

Эпоха	Этап	Период	Способы/формы внутренней взаимосвязи армянского населения
Российская империя	Колония с дарованной автономией; 1779–1860-е годы	Адаптация и укоренение; 1779–1810 гг.	Институционализированные (управленческие структуры колонии) и неформальные (внутренние взаимосвязи и взаимодействие)
		Автаркия (развитая самодостаточная колония); 1820 – середина 1850-х годов	
		Трансформация: утрата моноэтничности и армянского самоуправления; вторая половина 1850-х – 1860-е годы	
	Нахичевань: старожильческая диаспора (от этнокультурной консервации к аккультурации); 1870-е – 1917 годы	Комплексное доминирование, 1870–1880 годы	Слабеющие формализованные (последние управленческие структуры, контролируемые армянами) и во все большей степени неформальные (сеть сложившихся каналов и форм внутриэтнического и “соседского” взаимодействия)
		Общее преобладание; 1890–1900 годы	
		Влиятельное меньшинство; 1910–1917 гг.	
Армянские села Нижнего Дона: самодостаточные моноэтничные сообщества; 1870-е – 1917 годы			Разветвленная система устоявшихся соседских и внутриэтнических форм взаимодействия

Советский Союз	Нахичевань (с конца 1920-х годов – часть Ростова-на-Дону): неинституционализированная городская этническая группа (от аккультурации к ассимиляции); 1920-е – конец 1980-х годов	Остаточная диаспоральность; 1920-е – начало 1930-х годов	Отсутствие институциональных форм консолидации армянского населения и постепенно деградирующая система его неформальных внутриэтнических коммуникаций, нарастающая социоэтнокультурная “атомизация”
		Дисперсное городское меньшинство; середина 1930-х – середина 1980-х годов	
		Этнокультурное “пробуждение”; конец 1980-х годов	
	Села Мясниковского р-на: административно-территориальное образование этнического типа	Армянский национальный район; 1926 – первая половина 1930-х годов	Плотная сеть старожильческо-этнических форм и каналов взаимодействия сельских армян, позволяющая количественно доминировать в органах местной власти и в целом определять социально-экономическое и социокультурное развитие своих поселений
Сельский район со старожильческим армянским населением; середина 1930-х – 1991 годы			
Российская Федерация	Ростов и другие центры Ростовской обл.: культурно-национальная автономия	Резкий количественный рост, расширение ареала расселения и субэтнического разнообразия; 1990-е годы	Формирование новых центров консолидации армянского населения, координация и кооперация работы национально-культурных организаций области и администрации Мясниковского р-на
		Внутренняя самоорганизация городских общин, динамическое равновесие; 2000-е годы	
		Комплексная оптимизация общины; 2010-е годы	
	Села Мясниковского р-на: административно-территориальное образование этнического типа	Сельский район с преобладанием старожильческого армянского населения; 1990–2019 гг.	

Рассмотрим подробнее содержание и специфику названных этапов и периодов.

Колония с дарованной автономией (1779–1870 гг.)

Армянская диаспора относится к числу “классических”. Однако применительно к формированию донской армянской общины можно говорить о сочетании черт “классической” и “приглашенной” диаспор. Переселение крымских армян на Дон в конце XVIII в. было организовано российскими властями, но в целом осуществлено добровольно.

В литературе обычно указывается, что из Крыма в августе—сентябре 1778 г. вышло 12,5 тыс. армян. Новейшие исследования дают другие цифры: всего в Азовскую губернию переселились 13 695 армян (из них 191 человек ранее проживал в г. Тамани, также входившей в состав Крымского ханства) (Аваков 2018: 170). По состоянию на 1 января 1780 г. в г. Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань) и пяти армянских селах, основанных переселенцами, на учете состояло от 12 278 до 12 565 душ (Келле-Шагинов 2015: 245; Бархударян 1996: 95).

Демографические показатели первых лет свидетельствуют о высокой проблемности и затаянном характере адаптации. Азовский губернатор В.А. Чертков 2 ноября 1780 г. докладывал генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину, что “у армян едва ли не наполовину болящих и немощных” (Аваков 2018: 177). До 1783 г. высокая смертность соседствовала с низкой рождаемостью. За 1779—1787 гг. общая естественная убыль составила почти 4 тыс. человек (на 1,91 тыс. родившихся за эти годы пришлось 5,85 тыс. умерших) (Келле-Шагинов 2015: 245). Чрезвычайно высокая смертность была обусловлена неустроенностью переселенцев и неожиданно тяжелыми природными условиями (Богданян 1989: 11). Коэффициент естественного прироста стал положительным только в конце 1780-х годов. Но даже в первой половине 1790-х годов уровень рождаемости в колонии составлял только 25—30%, т.е. оставался в 1,5—2 раза ниже, чем у населения большинства регионов России этого времени (50—60%) (Кабузан 1996: 56).

Свидетельством общей неукорененности переселенцев можно считать и самоочинное возвращение переселенцев в Крым. По пятой ревизии в 1795 г. в Нахичевани насчитывалось 8487 душ, в армянских селах — 2020 душ (Сборник 1884: 58). При этом “в Новом Нахичеване отсутствовало более 400 семей (около 1600 человек), предположительно уехавших по торговым делам и не вернувшихся” (Араджиони 2008: 81). А всего, по расчетам М.А. Араджиони, за период 1779—1820 гг. в Крым с Нижнего Подонья вернулось порядка 2—2,5 тыс. человек. Таким образом, общая реэмиграция могла составлять 15—20% от всех переселенцев. Тем не менее в 1810 г. Нахичевань насчитывает уже 8,7 тыс., а в 1828 г. — 9 тыс. жителей (Бархударян 1996: 95), превосходя по численности Ростов, Мариуполь, Екатеринослав, а до 1820-х годов и Таганрог.

Успешное укоренение и эффективное освоение малонаселенного Донского края, воспроизводство традиционного уклада и этнокультурной идентичности крымских армян на новой почве были обеспечены рядом факторов:

- единовременным организованным исходом больших групп крымских армян с развитой социально-профессиональной структурой;
- сложившимися за столетия прочными социокультурными институтами;
- выгодным географическим положением Нахичевани;
- государственной поддержкой при переселении и обустройстве на новом месте;
- достаточным количеством земли под хозяйственное освоение и строительство города и сел;
- самоуправлением, свободой вероисповедания, правами и привилегиями в хозяйственной сфере, дарованными Екатериной II “торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена” (ПСЗ 1. Т. 20. № 14942; Т. 21. № 15700; Т. 22. № 15908; Т. 24. № 18033, 18811).

Все это вместе взятое обеспечило определенную самодостаточность (автаркию) колонии и ее устойчивость, сохранение и воспроизводство этнокультурных и религиозных характеристик крымских армян на Нижнем Дону. Связующим и организующим началом армянской общины в условиях отсутствия государственности традиционно становилась Армянская апостольская церковь. Переселение крымских армян, взаимодействие с российскими властями, организация общественной жизни на новом месте происходили при определяющем участии духовного главы крымских армян архимандрита Петроса Маркосяна (умер в 1779 г.) и духовного предводителя российских армян архиепископа Иосифа Аргутинского.

Именно Аргутинский учредил в 1781 г. духовный суд и составил для него “Канонны”, а в 1782 г. привез из Астрахани Армянский судебник. В 1795 г. был утвержден предложенный им своего рода устав колонии (“Дашнадрутюн миабанутян”), один из пунктов которого предусматривал передачу на разрешение духовному лидеру всех спорных вопросов (*Шахазиз* 2005: 15–16). Однако стремление Аргутинского придать церковному суду функции высшего органа управления колонией, его вмешательство в общественные дела натолкнулись на сопротивление городской элиты. После смерти архиепископа в 1801 г. авторитет церковного суда упал, он “превратился в орган магистрата и городского головы” (*Патканян* 1917: 58; *Бархударян* 1996: 54).

Самоуправление колонии осуществлялось исключительно на этнической основе и охватывало как город, так и сельский округ (ПСЗ 1. Т. 21. № 15700; Т. 22. № 15908; *Бархударян* 1996: 135). Правовой основой Нахичеванской колонии стал Армянский (Астраханский) судебник (*Алексеев* 1870: 1–7). В Армянской части магистрата первоначально рассматривались все дела, но с течением времени уголовные дела стали решаться на основании общих законов империи, действующими остались одни только гражданские и торговые постановления судебного (Шахазиз 1903: 5). Делопроизводство осуществлялось на армянском языке. Имперским представителем в городе был стряпчий, который назначался из русских и должен был выполнять функции секретаря магистрата и одновременно контролировать деятельность этого органа и суда. Под властью секретаря, кроме служащих канцелярии, находились назначаемые из отставных военных русские “смотрители” армянских сел (ПСЗ 1. Т. 20. № 14942; *Шахазиз* 1903: 10). Но влияние стряпчего (а вместе с этим и секретаря магистрата) было совершенно подавлено, члены магистрата строго держались “правила устранять всякое влияние начальства на их дела” (Сведения 1866: 57).

Повседневная жизнь общины регламентировалась обычным правом крымских армян, систематизированным в 1817 г. Под угрозой суровых штрафов и других наказаний 39 статей этого сборника требовали “сохранить только тот образ жизни, быт, привычки, одежду, что они с собой принесли из Крыма” (*Шахазиз* 1903: 20–25, 32; *Богданян* 1989: 16). Уже в начале XIX в. мы находим сетования магистрата по поводу испорченности нравов, особенно молодежи (*Богданян*: 1989: 15–16). Но подобные lamentации носили, скорее, “ритуальный” характер. В целом нахичеванское общество сохраняло в неприкосновенности традиционный образ жизни и соответствующий менталитет. Первая девушка из Нахичевани, избравшая в начале XIX в. русский стиль одежды и поведения, настолько поразила современников, что “заслужила” место в городской топонимике и летописи (*Патканян* 1917: 61).

К концу первой четверти XIX в. колонисты из переселенческого сообщества если и не полностью, то преимущественно должны были приобрести региональную идентичность: трансформироваться из крымских в донских армян. Их коллективная память, не ограничиваясь осознанием принадлежности к армянскому народу в целом, устойчиво сохраняла предание об анийском субэтническом происхождении. На Дону к ней прибавилась ностальгия по Крыму, которая, как уже отмечалось, являлась одним из существенных факторов демографической динамики колонии. Ностальгия сохранялась на протяжении многих десятилетий. И даже сегодня память о Крыме, превратившись из “горячей” в “холодную”, остается значимым элементом коллективного сознания.

Во второй четверти XIX в. армянский анклав на Нижнем Дону вступает в новое состояние, которое может быть определено как “развитая колония”. Нахичевань-на-Дону, по оценке Таганрогского градоначальства, данной в 1850 г., является одним “из лучших городов Новороссийского края. <...> Крестьяне Нахичеванского округа отличаются трудолюбием... характеризуются не только богатством, но и своеобразным благосостоянием” (*Бархударян* 1996: 81).

Армянская колония по-прежнему представляет собой этнически гомогенное общество с высоким уровнем административной и правовой автономии. В колонии действует устоявшаяся с конца XVIII в. система самоуправления. Армянский суд, просуществовав нетронутым до 1825 г., теряет кассационные полномочия (*Шахазиз* 1903: 30–31). Однако Армянский судебник в ходе проверки, инициированной в 1844 г. сенатором М.Н. Жемчужниковым, получает высочайшее одобрение, и за Нахичеванью остается право решать гражданские дела на основании собственных законов и обычаев (*Шахазиз* 1903: 5; *Алексеев* 1870: 7). В 1836 г. в России был оформлен новый механизм административного контроля над армянской церковью (ПСЗ 2. Т. 11. № 8970). Духовный суд в Нахичевани был преобразован в Духовное управление, но оно, как и его предшественник, смирилось с главенством городских властей (*Бархударян* 1996: 102; *Шахазиз* 1903: 150–152). В этом же году 21 мая было решено Нахичевань с селами обложить на десять лет подушной податью. Суммы, собранные за пять лет, нахичеванцы держали в городской казне, добиваясь отмены новых правил. Сенатским указом от 14 декабря 1844 г. подушные подати были “сложены” (*Патканян* 1917: 104; *Обозрение* 1850: 7).

Подавляющее большинство населения колонии (85–90%) к началу этого периода родилось уже на Нижнем Дону, как и основная масса родителей младшего поколения (до 20 лет), составлявшего около половины всех армян Нахичевани. Успешно интегрировавшись в систему экономических и торговых связей (на деле являясь одним из ее активных организаторов), нахичеванское сообщество по-прежнему остается своеобразным закрытым “полисом”, благополучие которого тесно связано с дарованными правами и привилегиями. Закрытость колонии обеспечивает сохранение за каждым из ее граждан ряда преимуществ (владение землей, освобождение от налогов и воинской повинности и проч.). Поэтому нахичеванцы рьяно их отстаивают, запрещая селиться на своих землях всем приезжим, в т.ч. и армянам, прибывшим из других мест (*Бархударян* 1996: 93). В результате численность армянского населения растет медленно, особенно в сравнении с соседними городами. А демографический рост за счет собственного сельского округа в Нахичевани затруднен в силу ограниченного числа поселян. Цеховая организация, ориентированная на сохранение традиционного общества, также ограничивала проникновение иногородних ремесленников (а заодно и тормозила промышленное развитие) (Там же: 180–181). Охранительная политика Нахичевани стала одной из причин демографического и экономического ее отставания от Ростова-на-Дону.

Приток мигрантов для Нахичевани означал ускоренную трансформацию ее этнической структуры. Из города-колонии, города – этнической общины Нахичевань неизбежно превратилась бы в типичный южно-российский центр. Сценарий консервации Нахичевани как замкнутого самоуправляемого полиса, коллективно пользующегося дарованными правами, приостановил социально-экономическое развитие колонии, но в условиях функционирования внутри бурно растущего инородного социума, чей рост еще ускорился в период буржуазно-демократических реформ середины XIX в., он не гарантировал сохранения автономии. Более того, этот сценарий не остановил и рост пришлого неармянского населения. Экономические интересы оказались сильнее. Значительное количество земли (в разы больше на душу населения, чем в Центральной России), находившееся в распоряжении Нахичевани (прежде всего городской олигархии) и армянских сел, требовало рабочих рук. В хозяйствах и на хуторах, создаваемых нахичеванскими “олигархами”, трудились преимущественно пришлые работники. Уже в 1827 г. только в одном из таких хуторов находилось 305 крепостных, а в начале 1840-х годов их было уже 544 (по переписи 1811 г. в армянских селах проживало 1426 человек, а в 1835 г. – 2171) (*Бархударян* 1996: 138–150). В Ростовской области и сегодня существует хутор Халыбо-Адабашево, где жили крепостные А. Халибова – городского головы Нахичевани, многократно

избиравшегося на эту должность. Вся прислуга в городе была из пришлого населения (*Патканян* 1917: 105). Таким образом, при стагнации численности армян в Нахичевани увеличивалось число русских в городе и округе. Пришлое население не имело тех прав, которыми обладали колонисты и их потомки.

Социокультурная жизнь Нахичевани приходит в движение в начале второй четверти XIX в. Город, по свидетельству Г. Патканяна, пробуждается от духовной дремоты и закладывает основы образования: открываются учебные заведения (только у Серовбе Патканяна и его сына Габриэла обучается более 300 учеников), юноши и девушки обучаются танцам, у горожан появляется интерес к веяниям европейской моды и к путешествиям, из повседневной практики начинают вытесняться старые татарские обычаи и обряды (Там же: 85). Одновременно с этим у ряда авторитетных горожан (в их числе городские головы) формируется мнение о бесперспективности обучения армянскому языку, нежелательности армянских школ и книг, поскольку никто в регионе кроме самих нахичеванцев и жителей окрестных сел не знает армянского языка. Поэтому и детей своих они отдают на обучение в русские школы (в частности, в Таганрог). Сторонников обучения русскому языку, по оценке Р. Патканяна, было почти в десять раз больше, чем тех, кто ратовал за знание армянского языка. После избрания М. Попова на пост городского головы (1830–1832 гг.), он пытается вывести школу из-под управления городского общества и передать русским образовательным властям (Там же: 85–90). Богатые горожане отправляют детей учиться в Москву, после чего те редко возвращаются работать в Нахичевань (Там же: 97–98). Ко второй четверти XIX в. национальная самоидентификация колонистов дополняется обретающей все большую четкость региональной идентичностью. Являясь жителями Нижнего Дона в третьем, четвертом поколениях, они уже с полным основанием могли считать себя донскими старожилами, что не исключало специфики их статуса в общественном сознании остального населения региона. В этнокультурном отношении армянская колония оставалась для казачества чужеродным образованием, и поэтому оказываемое на нее ассимиляционное давление было незначительным, позволяя Нахичевани сохранять и воспроизводить свою этнокультурную специфику. Не получили широкого распространения в колонии и европейские формы жизни, заметная тяга к которым у городской элиты начала проявляться только в 50-е годы XIX в. (*Бархударян* 1996: 99, 101).

1850–1860 годы можно определить как завершающий (трансформационный) период развития донской армянской колонии, время ее позднего расцвета и кризиса. Нахичевань по-прежнему отличает сравнительно медленный рост числа жителей, связанный со слабым притоком населения и миграцией горожан в другие центры и регионы.

Колония постепенно теряла этническую однородность. Общая численность армян в Нахичеванском округе в этот период составляла 17,4 тыс. человек, из них в Нахичевани проживало 11,6 тыс. (*Обозрение* 1850: 20, 163). В мае 1854 г. городские власти в ответ на правительственный запрос пишут об 11,4 тыс. жителей (НАА. Д. 87. Л. 20). По подсчетам офицеров Генерального штаба, в 1853–1857 гг. население Нахичевани выросло с 13,6 тыс. до 14,5 тыс. человек. При этом 3 тыс. из них (21%) были пришлыми, из которых 2,8 тыс. составляли государственные или помещичьи крестьяне (*Материалы* 1862: 12, 126, 341). По архивным данным в 1855 г. в Нахичевани и ее округе проживало 1,7 тыс. человек пришлого населения. К 1861 г. оно увеличивается до 1,9 тыс. Иногородние составляли лишь 15–17% населения города и округа (*Бархударян* 1996: 94). Губернский статистический комитет в 1861 г. насчитал в Нахичевани 15,5 тыс. жителей обоего пола (*Экономическое состояние* 1863: 37). К 1864 г. речь идет уже о 2,5 тыс. православных в Нахичевани (26% от 12 тыс. горожан) и 1,2 тыс. — в сельском округе (*Памятная книжка* 1864: 189, 73).

В это же время в 1859 г. нахичеванское общество отказывается принять 200 армян и греков, живущих южнее Кубани, считая, что уплата переселенцами налогов наравне с жителями других губерний может создать опасный для армянской общины

прецедент. Годом ранее получают аналогичный отказ армяне из Армавира (*Бархударян* 1996: 93). При этом нахичеванские купцы сами активно осваивали Ставрополье, Кубань и другие регионы России (*Казаров* 2012: 115–139).

Сдерживание внешнего притока людей было нацелено на сохранение преимуществ, обеспечиваемых колонистам жалованной грамотой, но оно не распространялось на прием дешевой и бесправной рабочей силы. Вся прислуга, чернорабочие, сезонные работники, каменщики, плотники, штукатуры, некоторые ремесленники в Нахичевани до середины XIX в. были из пришлых (*Келле-Шагинов* 2015: 278). Подобная близорукая стратегия ограничивала рост армянского населения, но не могла остановить нарастающее давление русских и украинских переселенцев. С 1860-х годов с открытием в Нахичевани ряда крупных производств русские мигранты стали прибывать еще активнее, и уже в 1863 г. была построена первая православная церковь. Рост русского населения Нахичевани и его бесправное положение становились основанием для требований упразднения особого статуса города (Поселения 1861: 189–194, 198–202; Сведения 1866: 57; Материалы 1877: 202).

В середине XIX в. армянское самоуправление оказалось вовлечено в общий процесс реформ. В 1852 г. армяне в исправлении земских повинностей были подчинены действию общих узаконений (ПСЗ 2. Т. 27. № 26838). В 1854–1858 гг. нахичеванцы сумели уклониться от образования “на общих правах” городской думы (НАА. Д. 87). В 1859 г. было принято решение отделить в Нахичевани судебную власть от полицейской, поскольку их соединение представлялось уже неприемлемым (НАА. Д. 131; Сведения 1866: 56). И в 1865 г. полиция города и округа была передана из магистрата Нахичевани в ведение ростовского управления, вначале временно, а с 1868 г. — на постоянной основе (ПСЗ 2. Т. 43. № 45541). 30 апреля 1869 г. в Нахичевани была закрыта судебная часть магистрата (ПСЗ 2. Т. 41. № 43183), передача его хозяйственной части продлилась до ноября 1870 г. (НАА. Д. 139. Л. 7–44). Соответственно, перестал действовать Армянский судебник. Армянские села были подчинены волостным и уездным присутствиям, официальным языком делопроизводства стал русский.

Однако этнические границы по-прежнему оставались достаточно высокими, чтобы запустить ассимиляционный процесс. Минимальной оставалась и аккумуляция коренных нахичеванцев, сохранявших крымский диалект армянского языка и все еще в ограниченной степени владевших русским. Не случайно в начале 1860-х годов российские инспекторы писали, что семейная жизнь нахичеванцев сохранила “всю обстановку и характер азиатский... Армяне говорят по-русски хуже греков. В них больше исключительности и меньше готовности слиться с русским населением; людей, стоящих выше старинных обычаев, судебника и грамоты 1779 года, у армян меньше, чем у греков”¹ (Сведения 1866: 56). В документах магистрата, написанных на русском языке, вплоть до середины XIX в. даже городской голова и председатель магистрата подписываются по-армянски. Переход на русский начинается с городского головы К. Гайрабегова (с 1860 г.) (НАА. Д. 191. Л. 21, 24, 79, 82, 108об).

Старожильческая диаспора (1870-е – 1917 годы)

Охранительный сценарий смог лишь затормозить, но не остановил трансформацию этнического состава населения Нахичевани, структур повседневности и традиционного строя жизни. Ликвидация этнического самоуправления открыла город для переселенцев. И уже к началу 1870-х годов доля армян среди горожан снизилась, по нашим оценкам, до 70–75%. Из автономного моноэтнического “полиса” Нахичевань превращалась в заштатный город с преимущественно армянским населением. А в социодемографическом и торгово-хозяйственном развитии Нахичевань к этому времени окончательно проигрывает Ростову и неотвратимо уходит в социально-экономическую тень более успешного конкурента (Табл. 2).

Тем не менее накопленный экономический потенциал, традиции городского бытия и высокая этническая консолидация определяли как главенство армянского населения в основных сферах жизнедеятельности городского социума, так и полный контроль над органами местного самоуправления (за исключением полиции). Поэтому 1870–1880-е годы “диаспорного” развития можно условно обозначить как период количественного и качественного (социально-экономический и сословный статусы) доминирования армянской общины города.

Таблица 2

Численность населения Нахичевани и Ростова, тыс. чел.

Год Город	1793	1812	1828	1839	1862	1867	1871	1886	1897	1914
Нахичевань	7,6	8,5	9,0	11,0	15,2	16,6	16,5	17,6	29,2	49,5
Ростов	1,2 (1782 г.)	5,0	5,4	9,6	36,4	39,1	44,5	62,1	119,0	184,8

В это же время более отчетливо проявляются аккультурационные процессы: растет интерес к образованию и изучению европейских языков, меняются, приобретая европейский характер, ранее патриархальные быт, нравы и одежда нахичеванских армян. Как отмечали современники, “жизнь нахичеванских армян окончательно разбила вековое предубеждение относительно их замкнутости и невежества. Обычай и нравы в общественной и домашней жизни почти приняли характер европейский” (Календарь 1886: 123–126).

Пребывание армян на Дону продолжалось уже столетие, и столь длительный срок еще более укрепил их региональную (донскую) идентичность. Однако для подвижек в национальной и религиозной самоидентификациях не было серьезных предпосылок не только в делах, в которых армяне по-прежнему составляли абсолютное большинство, но и в самой Нахичевани.

В бывшем нахичеванском округе растущее давление внешней среды ограничивается уплотнением поселенческой сети: к этому времени рядом с армянскими селами появилось 18 частновладельческих хуторов (Губерния 1863: 128), населенных русскими и украинцами. Армянские села превращаются в анклав внутри новой системы расселения, но сохраняют высокий уровень этнической и культурной гомогенности. Таким образом, единое до этого развитие Нахичевани и армянских сел с последней четверти XIX в. начинает идти двумя путями, различия между которыми со временем все более возрастают.

Масштабный миграционный приток в последней трети XIX в. увеличил городское население на 70% (с 16,6 тыс. до 28,4 тыс. человек), при этом численность армян в Нахичевани несколько сократилась. Одна из причин – активный переезд в другие города Нижнего Дона, прежде всего в Ростов. По переписи 1897 г. армянское население Нахичевани составляло 8,3 тыс. человек (29% жителей). Таким образом, национальная структура города кардинально изменилась. Зато стремительно шла в рост ростовская община. В 1863 г. она насчитывала всего 112 человек (*Скальковский* 1865–1866: 41), в 1888 г. в ней было 1,7 тыс., а в 1910 г. – уже 8 тыс. человек (*Бархударян* 1996: 94; *Смирнов* 1905: 7–8).

В Ростов богатыми нахичеванцами направляются значительные инвестиции. К началу XX в. им принадлежат доходные дома, магазины, фабрики, два кинотеатра (*Малхасян* 2010: 63). Не пустив развитие внутрь своей территории, купцы и промышленники Нахичевани с выгодой для себя участвуют в развитии соседа-конкурента. Экономические интересы и предпочтения нахичеванской торгово-промышленной

элиты, таким образом, далеко не всегда совпадали со стратегией национального самосохранения, выбранной городским сообществом.

В пяти старых армянских селах и в с. Екатериновка в 1895 г. проживало 14 тыс. человек (*Литвиненко* 2009: 165). По переписи 1897 г. сельское армянское население Ростовского округа насчитывало 15,3 тыс. человек. Заметно пополнили армянскую общину беженцы из Западной Армении, спасавшиеся от геноцида. Еще до апреля 1915 г. в Нахичевани-на-Дону было зарегистрировано 1208 беженцев. В связи с тем что они совершенно не знали русского языка, их разрешили принимать исключительно в армянские селения Ростовского округа (*Мирзоян* 2015: 143). В отличие от переселенцев 1778–1779 гг. беженцы начала XX в. не представляли собой сложившийся “социальный организм”, “пересаженный” на новую почву. Их разрозненная масса была включена в хорошо структурированное этнокультурное сообщество и быстро смешалась с донскими армянами. Исключение составил хутор Шаумяновский, в котором в 1926 г. проживал 651 беженец из Западной Армении.

Превращение Нахичевани в обычный заштатный город означало также упразднение нахичеванского армянского округа и включение армянских сел в Ростовский уезд Екатеринославской губернии, а с 1887 г. — в Ростовский округ Области Войска Донского. В 1875 г. завершился перевод потомков переселенцев из Крыма “в общий состав сельских обывателей”. Их причислили к разряду поселян-собственников и подчинили ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Общественное управление в селениях решено было устроить на основании “Общего положения о крестьянах” от 19 февраля 1861 г., все делопроизводство вести на русском языке. Еще более чувствительным для поселян стало подчинение их единым правилам при отбывании общей воинской, равно как и воинской квартирной повинностей (ПСЗ 2. Т. 50. № 54506).

В самой Нахичевани армянская община в конце XIX — начале XX в. по-прежнему де-факто контролировала городское самоуправление, за исключением полиции (*Шахазиз* 2005: 161; *Казаров* 2012: 160–161; Управление 1897: 4–5). Целиком армянской оставались финансово-экономическая элита города и (в значительной степени) прослойка образованного населения. Этот мощный и разнообразный социальный капитал позволял общине устойчиво сохранять свои доминирующие позиции в городской жизни вплоть до 1917 г., хотя с течением времени конкуренция со стороны неармянского населения Нахичевани возрастала. И поэтому последние десятилетия царской России (1890–1917 годы) можно обозначить как период общего преобладания армянской общины в жизнедеятельности городского социума.

Потеря административного ресурса отчасти компенсировалась развитием сети общественных организаций и армянской интеллигенции. Но отход от патриархальных нравов включил механизмы аккультурации. К концу XIX в. “покрой одежды, вывезенный нахичеванцами из Крыма, в городе совсем вывелся, уступив место европейской моде”; в селах он сменяется формой одежды и обуви соседних русских крестьян. “Нахичеванский разговорный язык... в городе близок к исчезновению, так как молодое поколение уже не говорит по-армянски, а в устах старого поколения... превратился в грубый уличный жаргон... в нем многие обороты и даже целые предложения выражаются на русском языке”. И даже на селе “в самобытности языка уже начала образовываться брешь” (*Шахазиз* 2005: 151, 162; *Келле-Шагинов* 2015: 271). Этнокультурные границы общины становились все более проницаемыми. Противодействие аккультурационным процессам (Календарь 1886: 126) могло лишь несколько затормозить их. Модернизация патриархальной нахичеванской армянской культуры происходила преимущественно на русской основе.

Городское дисперсное меньшинство и сельское старожильческое территориальное сообщество (1920–1980-е годы)

В советский период Нахичевань окончательно утратила статус армянского города. Уже в 1905 г. было учреждено Ростовское градоначальство, в состав которого был включен и г. Нахичевань. В первые десятилетия XX в. множество общественных организаций создавалось именно как ростово-нахичеванские. Органы советской власти, как и партийные органы, также охватывали оба города. Административное слияние Нахичевани и Ростова было официально завершено в 1928 г. превращением первого в один из районов второго.

Перепись 1926 г. зафиксировала общее число жителей Ростова и Нахичевани: оно составило 308,1 тыс. человек, из них армян – 17,6 тыс. (5,7%). В Мясниковском р-не проживало 24 159 армян. В целом этот традиционный ареал донских армян насчитывал 41,8 тыс. жителей. В первые же послереволюционные годы была, по сути, ликвидирована элитная социальная группа, высокий статус и капиталы которой обеспечивали устойчивое положение армянской общины Нахичевани. Отсутствие организационных структур, ориентированных на сохранение и воспроизводство национальных традиций, языка, исторической памяти, давление на Армянскую церковь, а с конца 1920-х годов уничтожение церквей и репрессии против священников ускорили процесс “размывания” и фрагментации армянской общины, способствовали ее нарастающей атомизации, ослаблению этнокультурных связей, обрусению и ассимиляции.

Этот процесс был приостановлен благодаря политике “коренизации” 1925–1930-х годов. На Дону активно издавались армянские газеты: в 1925–1931 гг. “Ленини джампов” (“Ленинским путем”), в 1931–1937 гг. “Мурч-Мангах” (“Серп и молот”), позднее сменивший название на “Грох” (“Штурм”), в 1937 г. “Большевик”. Кроме того, открылись техникум для подготовки учителей армянских школ Северо-Кавказского края, Армянский дом и Национальный дом культуры и искусств, объединявшие этнические общины, а также армянский клуб “Мурч-Мангах” (“Серп и Молот”); ростовское радио по субботам с 18:30 до 19:30 вешало на армянском языке, при библиотеке был создан отдел армянской литературы (Малхасян 2009). В 1926 г. был образован Мясниковский национальный район, административным центром которого стала Нахичевань-на-Дону (Молот 1926). После ее присоединения в 1928 г. к Ростову райцентр переместился в с. Крым, а с 12 сентября 1929 г. – в с. Чалтырь (в 1939 г. армяне составляли в нем 82% жителей – 7,64 тыс. человек). Появление своего национального района создавало условия для сохранения родного языка, национальной культуры и коллективной памяти. Еще более значимым фактором этнокультурной жизни сельских армян Дона оставался близкий к моноэтническому состав их поселений, старожильческий в своем большинстве.

О завершении процесса “коренизации” было объявлено в декабре 1933 г. на III Всероссийском совещании уполномоченных по делам нацменьшинств (Кайкова 2007: 17). К началу 1940 г. все общественные национальные институты оказались под негласным запретом. Мясниковский (армянский) район, утратив свой национальный статус, превратился в обычное административно-территориальное образование. Тем не менее сельская жизнь, значительно более персонализированная и социально взаимосвязанная, чем в Ростове, а также плотность и разнообразие внутренних взаимодействий придавали армянским поселениям особую социальную прочность, способствовали сохранению и воспроизводству этнокультурной специфики. Неформальная, но осязаемая поддержка оказывалась и местной властью, также в своем большинстве представленной донскими армянами.

Таким образом, армянские села на протяжении всего советского периода продолжали свое развитие в качестве внутренне взаимосвязанных этнокультурных

территориальных сообществ, фактически сохранявших элементы самоуправления. Показательно, что за полвека (1940–1980-е годы) удельный вес армян в этих поселениях практически не изменился, сохранившись на очень высоком уровне (80–86%).

Иной была динамика городских армян, в 1930-е годы это сообщество ускоренно трансформировалось в дисперсное этническое меньшинство. Сбережение этнокультурных традиций у армян Ростова сместилось в сферу их индивидуальных практик. Каждая семья или отдельный представитель этнической группы решали, в какой степени им сохранять родной язык, национальные традиции, идентичность. И уже к концу 1930-х годов русский язык становится родным для 30% городских армян Ростовской области, тогда как у сельчан этот показатель составлял 5%.

В полной мере тенденции атомизации и деэтнизации проявились уже в послевоенные десятилетия. Слабоструктурированная дисперсная этническая группа демонстрировала все более высокий уровень обрусения и ассимиляции, связанной в т.ч. с быстро растущей межнациональной брачностью. Это напрямую сказывалось на национальной идентичности городских армян, прежде всего смешанного потомства межнациональных семей, доля которого в составе армянского населения Ростова и других городов постепенно росла.

Официальные меры по сохранению языка были, скорее, символическими. В 1970 г. армянский язык в качестве родного сохраняли только 55,8% городских армян Ростовской обл. (в составе последних 4/5 составляли армяне самого Ростова). Между тем данный показатель у донских сельских армян достигал 96%, а непосредственно в Мясниковском р-не даже в самом конце советского периода родной язык сохранило 97,4% армянского населения.

В послевоенный период темпы количественного роста донских армян оставались невысокими. За 1959–1989 гг. их численность выросла в области только на 27% (с 49,3 тыс. до 62,6 тыс. человек). Практически не изменилась и система расселения, включавшая города Нижнего Дона, Мясниковский р-н и хутор Шаумяновский в Егорлыкском р-не. Миграционное пополнение происходило на протяжении всего советского времени. Однако мигранты в силу своего ограниченного количества, разрозненности и отсутствия правовых предпосылок не институционализировались в каком-либо качестве и не воспринимались самостоятельной субэтнической группой.

Положение начало меняться во второй половине 1980-х годов, когда нарастающий кризис СССР стал причиной комплекса взаимосвязанных процессов, среди которых можно назвать ренессанс этничности, обострение межнациональных отношений и быстрый рост миграционной активности, пик которой пришелся на первые годы постсоветской эпохи. “Реанимируется” этничность и у старожильческого полуассимилированного армянского населения Дона. Уже в ноябре 1988 г. в Ростове-на-Дону было зарегистрировано «Армянское культурно-просветительское общество “Нор-Нахичеван”» (с 1997 г. — “Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община”), цели и задачи которого состояли в сохранении и развитии языка и культуры нахичеванских армян.

Национально-культурная автономия и старожильческие армянские села (1990–2010-е годы)

Масштабная волна беженцев и переселенцев из республик Закавказья и Северного Кавказа стала причиной стремительного роста армянской общины Дона в 1990-е годы. С 1989 по 2002 г. численность армян в Ростовской области по официальным данным выросла на 76% (с 62,6 тыс. до 110 тыс. человек). Основная масса мигрантов, ощути-мо расширившая географию армянского присутствия в регионе, пришлась на первую половину 1990-х годов и состояла из переселенцев в основном из Нагорного Карабаха и Азербайджана, в меньшей степени — из Грузии и Армении. Но существовал приток

и с территории Северного Кавказа, из новых государств Средней Азии. В результате существенно выросла степень субэтнической разнородности донской армянской общины. И потому 1990-е годы могут быть определены как период расширения внешних границ и внутреннего разнообразия донской общины.

В 1990-е годы в центре, на востоке, юго-востоке и севере области (территории “нового” освоения) в считанные годы доля иммигрантов в несколько раз превзошла долю армян-старожилов. В пределах Нижнего Дона удельный вес мигрантов постсоветской волны был существенно ниже, составляя в Ростове-на-Дону менее трети армянского населения, в Мясниковском р-не – одну шестую местных армян².

И тем не менее проблема внутриэтнической коммуникации актуализировалась даже в традиционных центрах донской армянской общины, не ограничиваясь контактной связкой “старожилы – постсоветские иммигранты”. Последние, в свою очередь, представляли множество субэтнических групп армянского народа, различались диалектами армянского языка, имели ощутимые культурные и социоповеденческие особенности. В самом общем виде постсоветское пополнение можно разбить на две крупные группы: переселенцы из Армении и мигранты из всех других регионов. В свою очередь, в каждой из этих групп можно выделить горожан, приехавших из крупных центров, как правило, более русифицированных и имевших более высокие социальный статус и возможности, и жителей сел и малых городов. Таким образом, проблема “внутренней притирки”, формирования взаимосвязанного этнокультурного сообщества была многовекторной, предполагала налаживание множества субэтнических коммуникационных связей.

Благодаря миграционному пополнению заметно вырос уровень национальной самоидентификации армянского населения региона. Мигранты начала 1990-х годов, в своем большинстве представлявшие беженцев и вынужденных переселенцев из горячих точек, отличались актуализированной этничностью. А социально-политические реалии конца 1980-х – первой половины 1990-х годов (прежде всего война в Нагорном Карабахе) работали на актуализацию этнического начала и у старожильского армянского населения региона. Этот общий подъем национального чувства и осознание всеми группами региональных армян своего “базового” единства позволили если не решить полностью, то заметно смягчить проблему субэтнической разнородности.

В более сложном положении оказались российская и региональная идентичности. Удонских армян-старожилов с ними не было проблем уже много поколений. Но в первой половине 1990-х годов почти половину армянского населения Дона составили иммигранты, которые прибыли в регион совсем недавно и не успели адаптироваться на новом месте, тем более интегрироваться в принимающее сообщество (в т.ч. и в его армянскую часть). Комплексное укоренение “новых армян” активизируется с конца 1990-х годов после многократного сокращения миграционного притока.

Согласно данным двух последних российских переписей, число армян в регионе за 2002–2010 гг. практически не изменилось (со 110 тыс. выросло до 110,7 тыс. человек). Общий анализ миграционной активности (включая ее теневой компонент) и естественной динамики населения позволяет скорректировать эти данные, определив реальный рост армянского населения области за период между переписями: он составил 10–15 тыс. человек. Но и такая величина позволяет говорить о количественной стабилизации. Данный период был связан и с определенной оптимизацией системы расселения донских армян (перемещением части иммигрантов постсоветской волны в более комфортные для них центры и районы), поэтому его можно определить как период оптимизационной динамики.

Успешная интеграция переселенцев в основные сферы жизни регионального социума обеспечила выход на первый план их российской и региональной

самоидентификаций. Тем более что 2000-е годы были связаны с определенной деактуализацией национальной идентичности (в связи с окончанием горячей стадии Карабахского конфликта, общей стабилизацией ситуации в Армении и на Кавказе в целом, отсутствием крупных угроз для жизни и развития армянского народа).

Существенная работа по организации внутриэтнического взаимодействия в этот период была проделана армянскими национально-культурными обществами области. Формирование системы внутриэтнической коммуникации способствовало наращиванию внутреннего единства локальных групп армянского населения.

Все эти формы и направления жизнедеятельности развивались и в 2010-е годы, которые можно определить как период комплексной оптимизации областного армянского сообщества. Приток иммигрантов (преимущественно из Армении) существенно сократился, и демографическая динамика армян Дона вновь стала определяться их собственными характеристиками воспроизводства. Между тем сокращение числа женщин репродуктивного возраста привело к переходу в середине 2010-х годов от естественного прироста к убыли. И хотя масштабы последней в настоящее время невелики (2–3‰ в год), количественный рост армянского населения области практически остановился.

Продолжался процесс интеграции мигрантов конца XX – начала XXI в. в различные сферы жизни регионального общества. Во многих территориальных общинах донских армян велась (и ведется сегодня) работа по комплексной “притирке” друг к другу представителей различных субэтнических групп. Но в последние годы все отчетливее обнаруживается и возвращение некоторых трендов, характерных для советского периода, в т.ч. определенное усиление аккультурационно-ассимиляционных процессов, связанных с активизацией межнациональной брачности.

* * *

В настоящее время армяне Ростова и других городов Ростовской области представляют собой крупные этнические группы, располагающие, с одной стороны, активным, национально ориентированным ядром, а с другой – обширной периферией, включающей большое число людей со слабовыраженной национальной идентичностью и высокой степенью культурного обрусения.

Тем самым развитие данных городских групп армянского населения представляет собой сложное сочетание разнонаправленных трендов. Каждое активное ядро продолжает (как правило, успешно) работу по укреплению внутренней взаимосвязанности своей локальной общины, сохранению этничности и воспроизводству коллективной памяти. Но на периферии этнических групп активизируются ассимиляционные процессы, растет число межэтнических браков, происходит постепенное комплексное обрусение части армян. Старожильческое городское армянское население при сохранении этнического самосознания характеризуется практически полным незнанием армянского языка (в т.ч. понимания устной речи). В этом же направлении идет ассимиляция армянских иммигрантов из Грузии и Азербайджана и, в меньшей степени, из Армении.

Куда большую системную социоэтнокультурную устойчивость демонстрируют сельские армяне Мясниковского р-на (56,1% населения района), по-прежнему представляющие старожильческие территориальные этнические сообщества. Центральным условием и фактором этой системной стабильности, сохраняемой уже почти два с половиной века, для данных поселений остаются: многопоколенное совместное проживание, пространственная компактность и этническая концентрация (высокий удельный вес в своих селах). Тем не менее и в селах растет число межэтнических браков, наблюдается переход на русский язык. Незнание армянской письменности фиксируется у подавляющего большинства сельчан, как

и постепенное, но устойчивое сокращение использования армянского языка (ново-нахичеванского диалекта) в общении.

Сочетая отчетливую этническую (армянскую), региональную (анийско-крымско-донскую) и российскую идентичности, устойчиво сохраняя и воспроизводя свои этнокультурные особенности, данные сельские сообщества психологически не ассоциируют себя с диаспорой, предполагающей определенную вторичность, привнесенность и чужеродность по отношению к вместилищу их региональному социуму. Напротив, большинство сельских донских армян (68,1%) называют своей родиной Россию (*Тер-Саркисянц* 1998: 352).

Типологически куда ближе к локальным диаспорам в настоящее время оказываются территориальные группы армян, сформированные преимущественно из мигрантов конца XX – начала XXI в. В последние 10–15 лет, укоренившись в городах и районах области, они параллельно в значительной степени внутренне консолидировались. Серьезную роль в данном интеграционном процессе играет создание национально-культурных организаций, сама география которых указывает, что они в своем большинстве иницируются мигрантами последней волны (Каменск-Шахтинский – 2009 г., Новочеркасск – 2010 г., Таганрог – 2010 г., Азов – 2011 г., Сальск, Песчанокопск – 2012 г., Константиновск – 2014 г., Белая Калитва – 2015 г.).

Таким образом, армяне Дона в настоящее время представляют собой крупное (после русских второе по величине в Ростовской области) этническое сообщество, находящееся в стадии неустойчивого равновесия. Формой его самоорганизации являются национально-культурные автономии в Ростове и других городах области. Этническую специфику сохраняет Мясниковский р-н. Спектр возможных сценариев развития армянской общины достаточно широк, но, учитывая демографический масштаб, значительный экономический, социокультурный и статусный потенциал, практически все варианты развития связаны с сохранением в долгосрочной перспективе армян в качестве одного из ведущих национальных сообществ региона.

Примечания

¹ Имеются в виду “мариупольские греки”, переселенные одновременно с армянами из Крыма.

² В других городах ростовской агломерации их доля была значительно выше: 85–90% в Батайске, 70–75% в Азове, более 50% в Таганроге.

Источники и материалы

Губерния 1863 – Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863.

Календарь 1886 – Донско-азовский календарь на 1887 год. Ростов-на-Дону, 1886.

Материалы 1862 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862.

Материалы 1877 – Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Т. I. СПб., 1877.

Молот 1926 – Молот (газета). 1926. 12 мая.

НАА – Национальный архив Армении. Ф. 139. Оп. 1.

Обозрение 1850 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 4: Екатеринославская губерния. СПб., 1850.

Памятная книжка 1864 – Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав, 1864.

Поселения 1861 – Городские поселения в Российской империи. Т. II. СПб., 1861.

ПСЗ 1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830.

ПСЗ 2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1830–1885.

- Сборник 1884 – Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Екатеринослав, 1884.
- Сведения 1866 – Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20-го ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. СПб., 1866.
- Управление 1897 – Нахичеванское на-Дону городское общественное управление в 1888–1897. Нахичевань-на-Дону, 1897.
- Экономическое состояние 1863 – Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Часть первая. СПб., 1863.

Научная литература

- Аваков П.А.* “О селениях... армянских, вышедших из Крыма, Вашей светлости донести я должен” // Исторический архив. 2018. № 6. С. 169–181.
- Алексеев К.* Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. М., 1870.
- Араджиони М.А.* Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: Феникс, 2008. С. 79–93.
- Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.
- Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айтастан, 1996.
- Богданян А.М.* Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон: краткий исторический очерк. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1989.
- Кабузан В.М.* Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996.
- Казаров С.С.* Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов н/Д.: Ковчег, 2012.
- Кайкова О.К.* Национальные районы и сельсоветы в РСФСР. Исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007.
- Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь. Ростов: Старые русские, 2015.
- Литвиненко В.И.* Села Приазовья: историко-краеведческие материалы. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2009.
- Малхасян А.Г.* Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов н/Д.: Первая типография АРО, 2010.
- Малхасян А.Г.* Печатное слово донских армян // Нор-Нахичеван. 2009. № 21.
- Мирзоян С.С.* О деятельности общественных организаций Ростова-на-Дону и Ново-Нахичевани по оказанию помощи беженцам (1915–1916 гг.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы II Международной научной конференции / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 141–145.
- Патканян Г.* История Новой Нахичевани. Нахичевань, 1917 (на армян. яз.).
- Скальковский А.А.* Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. 1749–1863. Екатеринослав, 1865–1866.
- Смирнов С.Д.* К вопросу о населении, рождаемости и смертности г. Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 1905.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.
- Тикиджьян Р.Г.* История и культура народов Донского края и казачества. Научно-популярное и учебно-методическое издание. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2010.
- Тикиджьян Р.Г.* Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начале XXI вв. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. С. 284–290.
- Тикиджьян Р.Г., Мелконян В.В.* Этносоциальное сообщество донских армян: основные этапы становления и современное состояние // Вопросы арменоведения. 2015. № 2 (5). С. 111–121.
- Шахазиз Е.* Исторические зарисовки. Тифлис, 1903 (на армян. яз.).
- Шахазиз Е.* Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / Пер. с арм. Ш.М. Шагинына. Ростов н/Д.: Книга, 2005.

Research Article

Batiev, L.V., and S.Ya. Suschiy. *The Armenian Community of the Don in the Late 18th – Early 21st Centuries: From a Self-Governing Colony to a Multi-Component Ethnic and Cultural Minority* [Armianskaia obshchina Dona v kontse XVIII – nachale XXI v.: ot samoupravliaemoi kolonii k etnokul'turnomu men'shinstvu]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 71–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150010049-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Levon Batiev | <https://orcid.org/0000-0002-3351-8039> | batiev@ssc-ras.ru | Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chehova Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Sergey Suschiy | <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> | SS7707@mail.ru | Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chehova Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Keywords

Armenians, Don, self-governing colony, diaspora, dispersed ethnic minority, long-standing territorial community

Abstract

The article examines the historical dynamics of the Armenian population of the Don region and outlines the major stages and phases of this process. During the period stretching from the last quarter of the eighteenth through the first half of the nineteenth century, the group of Armenians resettled to the Don region from Crimea formed a colony which later (in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries) transformed into a diaspora and still later, during the Soviet time, turned into a dispersed ethnic minority. However, these metamorphoses apply principally to the urban part of the population. Rural settlements, ever since the second half of the nineteenth century up to the present, continued to develop as territorial communities of old-timers steadily reproducing their ethnic and cultural specificity. The further ethnic and cultural revival observed in the late twentieth century and the significant replenishment of the community by migrants from various regions of the Caucasus considerably strengthened the nationally oriented core of the Armenian population of the Don region and continue to contribute to the reinforcement of its intergroup ties. At the same time, during the past 10–15 years, there has been observed a certain trend toward cultural and linguistic russification, especially noticeable in the urban milieu.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [18-59-05004 Arm a]

References

- Alekseev, K. 1870. *Izlozhenie zakonopolozhenii, zakliuchaiushchikhsia v Armianskom sudebnike* [Statement of the Legal Provisions Contained in the Armenian Lawyer]. Moscow.
- Aradzhioni, M.A. 2008. *Formirovanie Armianskikh obshchin v Vostochnom Krymu (konets XVIII – pervaya polovina XIX vekov)* [Formation of Armenian Communities in Eastern Crimea (Late 18 – First Half of 19 Centuries)]. *Issledovaniia po armenistike v Ukraine* 1, 79–93. Simferopol: Predpriatie Feniks.
- Arutiunov, S.A. 2000. *Diaspora – eto protsess* [Diaspora is a Process]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 74–78.
- Avakov, P.A. 2018. “O seleniakh... armianskikh, vyshedshikh iz Kryma, Vashei svetlosti donest’ ya dolzhen” [On the Villages... of the Armenians Who Came Out of the Crimea, Your Lordship, I Must Inform]. *Istoricheskii arkhiv* 6: 169–181.
- Barkhudarian, V.B. 1996. *Istoriia armianskoi kolonii Novaia Nakhichevan’ (1779–1917)* [The History of the Armenian Colony of New Nakhichevan (1779–1917)]. Erevan: Aiastan.

- Bogdanian, A.M. 1989. *Iz proshlogo. O pereselenii armian iz Kryma na Don: kratkii istoricheskii ocherk* [From Past: On the Resettlement of Armenians from the Crimea to the Don: A Brief Historical Essay]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kabuzan, V.M. 1996. *Russkie v mire* [Russians in the World]. St. Petersburg: Blits.
- Kaikova, O.K. 2007. *Natsional'nye raiony i sel'sovety v RSFSR. Istoricheskii opyt Sovetskogo gosudarstva v reshenii problemy natsional'nykh men'shinstv v 1920–1941* [National Districts and Village Councils in the RSFSR: The Historical Experience of the Soviet State in Solving the Problem of National Minorities in 1920–1941]. PhD diss., Moscow State University.
- Kazarov, S.S. 2012. *Nakhichevanskoe kupechestvo (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Nakhichevan Merchants (End of 18th – Beginning of 20th Century)]. Rostov-on-Don: Kovcheg.
- Kelle-Shaginov, I.M. 2015. *Moia edinstvennaia zhizn'* [My Only Life]. Rostov-na-Donu: Starye russkie.
- Litvinenko, V.I. 2009. *Sela Priazov'ia: istoriko-kraevedcheskie materialy* [The Villages of the Azov Sea: Local History Materials]. Rostov-on-Don: Donskoi Izdatel'skii Dom.
- Malkhasian, A.G. 2009. *Pечатnoe slovo donskikh armian* [The Printed Word of the Don Armenians]. *Nor-Nakhichevan* 21.
- Malkhasian, A.G. 2010. *Stranitsy istorii aniiskikh, krymskikh i donskikh armian* [Pages of the History of Armenian, Crimean and Don Armenians]. Rostov-on-Don: Pervaia tipografiia ARO.
- Mirzorian, S.S. 2015. *O deiatel'nosti obshchestvennykh organizatsii Rostova-na-Donu i Novo-Nakhichevani po okazaniiu pomoshchi bezhentsam (1915–1916 gg.)* [On the Activities of Public Organizations of Rostov-on-Don and Novo-Nakhichevan in Assisting Refugees (1915–1916)]. In *Armiane Yuga Rossii: istoriia, kul'tura, obshchee budushchee: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future], edited by G.G. Matishov, 141–145. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN.
- Patkianian, G. 1917. *Istoriia Novoi Nakhichevani* [History of New Nakhichevan]. Nakhichevan'.
- Shakhaziz, E. 1903. *Istoricheskie zarisovki* [Historical Sketches]. Tiflis.
- Shakh-Aziz E. 2005. *Novyi Nakhichevan i novonakhichevantsy* [New Nakhichevan and Novokichevans]. Rostov-on-Don: Kniga.
- Skalkovskii, A.A. 1865–1866. *Rostov-na-Donu i trgovlia Azovskogo basseina. 1749–1863* [Rostov-on-Don and the Azov Basin Trade]. Ekaterinoslav.
- Smirnov, S.D. 1905. *K voprosu o naselenii, rozhdaemosti i smertnosti g. Rostova-na-Donu* [To the Question of Population, Birth Rate and Mortality of Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don.
- Ter-Sarkisants, A.E. 1998. *Armiane. Istoriia i etnokul'turnye traditsii* [Armenians: History and Ethnocultural Traditions]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Tikidzhian, R.G. 2010. *Istoriia i kul'tura narodov Donskogo kraia i kazachestva. Nauchno-populiarnoe i uchebno-metodicheskoe izdanie* [History and Culture of the Peoples of the Don Region and the Cossacks. Popular Scientific and Educational Publication]. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom.
- Tikidzhian, R.G. 2012. *Osnovnye etapy formirovaniia i transformatsii etnosotsial'nogo soobshchestva donskikh armian v kontse XVIII – nachale XXI vv.* [The Main Stages of the Formation and Transformation of the Ethnosocial Community of the Don Armenians in the Late 18th – Early 21st Centuries]. In *Armiane Yuga Rossii: istoriia, kul'tura, obshchee budushchee: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future], edited by G.G. Matishov, 284–290. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN.
- Tikidzhian, R.G., and V.V. Melkonian. 2015. *Etnosotsial'noe soobshchestvo donskikh armian: osnovnye etapy stanovleniia i sovremennoe sostoianie* [Ethno-Social Community of the Don Armenians: The Main Stages of Formation and Modern Status]. *Voprosy armenovedeniia* 2 (5): 111–121.